

Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ФАРШИРОВАННОЙ РЫБЫ, ИЛИ МОДИФИКАЦИЯ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ КУЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Данная статья, основанная на материале советских и американско-российских кулинарных текстов, посвящена, с одной стороны, формам идеологизации текста в советскую эпоху, а с другой – текстовым способам «снятия» идеологического компонента, приемам деидеологизации пресуппозиций современного российского адресата.

Ключевые слова: межнациональный дискурс, кулинария, кулинарные тексты, Советский Союз, Россия, США, идеология, деидеологизация, адресат, интенция, модификации, пресуппозиции.

Речевые цели (намерения, интенции) являются важнейшим компонентом любой речевой ситуации. Мы можем вступать в общение в рамках конкретной речевой ситуации, имея целью убедить собеседника, изменить его картину мира, информировать его, установить с ним контакт, рассмешить, расслабить, успокоить, побудить к действию и т.д. Однако для феномена «дискурс» интенциональная составляющая не менее важна, чем для речевой ситуации. Целью говорящего является «тот результат, который он, сознательно или неосознанно, хочет получить от своей речи» [Михальская 1996: 54], дискурсивная же цель более сложна и, как правило, включает в себя несколько интенциональных составляющих.

Основной целью межнационального дискурса является установление диалога между представителями двух национальностей, двух культур, а также двух государств. С одной стороны, взаимодействие в рамках той или иной разновидности межнационального дискурса может предполагать реализацию конфронтационной интенции, ведущей к разного рода проявлениям агрессии, конфликтам, ингрупповому фаворитизму. С другой стороны, как бы ни складывались в тот или иной момент отно-

шения между двумя государствами, в дискурсе, как правило, реализуются кооперационная интенция, направленная на установление взаимодействия, взаимопонимания, сотрудничества между людьми и государствами, а также на соблюдение принципов толерантности и политкорректности.

В любой разновидности межнационального дискурса эти две основные интенции – конфронтационная и кооперационная – могут быть реализованы в разном соотношении. Однако в межнациональном и в межгосударственном общении достаточно сильна и третья интенциональная составляющая – модификационная, связанная с желанием адресанта изменить коммуникативное поведение адресата, его миропонимание и мироощущение, его взгляды на историю страны, ее культуру, иными словами – его пресуппозиции. Контрастивное описание русского и американского коммуникативного поведения, сделанное Ю.Е. Прохоровым и И.А. Стерниным, свидетельствует о том, что стремление к модификации картины мира собеседника у русских заметно, а у американцев – отсутствует [Прохоров, Стернин 2007: 248]. Мы полностью согласны с данным выводом – его подтверждают не только личные наблюдения, но и тексты, написанные в таком неоднозначном жанре, как «Взгляд из-за границы» (на другую страну, людей иной национальности). Американцы, как правило, не позволяют себе попыток модифицировать или резко осуждать коммуникативное поведение иностранца – они лишь дают советы соотечественникам, рекомендуя им те или иные формы поведения в чужой стране. Это связано, как мы считаем, с достаточно последовательным соблюдением американцами известнейших коммуникативных постулатов Пола Грейса: *«Твое высказывание не должно содержать меньше информации, чем требуется»*, *«Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется»*. *«Не отклоняйся от темы»*, *«Выражайся ясно»*, *«Будь краток»* и др.

Но несколько иначе обстоит дело с нашими бывшими соотечественниками, ныне живущими в США или в Европе. Как было отмечено выше, у русских стремление к регулятивности (возможной модификации поведения собеседника) высокое [Прохоров, Стернин 2007: 239]. Но таким же оно, по нашим наблюдениям, осталось и у россиян, сменивших страну жительства, о

чем свидетельствуют их тексты, написанные на русском языке ДЛЯ россиян и О россиянах. В этих текстах стремление к модификации картины мира современного россиянина прослеживается достаточно отчетливо, а способы модификаций связаны, прежде всего, с идеологической составляющей советской действительности.

В связи с этим необходимо уточнить ключевые для данной статьи понятия «пресуппозиции» и «деидеологизирующая интенция». «Прагматические пресуппозиции – это тот набор пропозиций, фактов, который, по расчетам говорящего известен собеседнику, входит в его систему знаний... Пресуппозиции очень важны – именно они обеспечивают связность и последовательность коммуникации: ведь всякую новую информацию мы должны привязать к чему-то хорошо известному» [Калинина 2004: 94-95]. В свою очередь, под деидеологизирующей интенцией применительно к материалу данной статьи мы понимаем желание, намерение русскоязычных авторов, живущих ныне в США, модифицировать пресуппозиции адресата, то есть тот набор фактов, суждений и представлений, который сложился у россиянина в советскую эпоху. Цель же данной статьи определяется желанием ее автора, максимально абстрагируясь от собственно идеологической сферы, ПОКАЗАТЬ ТЕКСТОВЫЕ СПОСОБЫ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ ПРЕСУППОЗИЦИЙ, ТО ЕСТЬ РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ «СНЯТИЯ» ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА, ЗАКРЕПИВШЕГОСЯ В СОЗНАНИИ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО АДРЕСАТА. Мы сознательно не обратились к политическим текстам, по определению несущим высокую идеологическую нагрузку. В качестве иллюстраций взяты тексты, имеющие бытовую (кулинарную) направленность с целью показать, что даже далекие от политики и экономики сферы общения могут при межнациональной коммуникации служить для воплощения регулятивной (деидеологизирующей) интенции их авторов.

На любую национальную коммуникацию влияет целый комплекс факторов: «Значительное воздействие на коммуникативный процесс оказывают социокультурные условия общения, которые можно представить как совокупность социальных, идеологических, правовых, экономических особенностей жизни дан-

ного этноса или социума» [Виноградов 1996: 146]. Сказанное, как мы считаем, можно с полным правом отнести не только к настоящему, но и к прошлому, которое в значительной мере сформировало пресуппозиции и автора, и адресата сообщения.

«Кулинарные пресуппозиции» россиянина второй половины 20 века во многом сложились под влиянием неоднократно издаваемой в СССР «Книги о вкусной и здоровой пище» (первое издание – 1952 г, иллюстрации в данной статье – по незначительно исправленному изданию 1954 года). Это издание, на наш взгляд достаточно удачное для того времени и научно обоснованное (рассмотрено и одобрено Институтом питания Академии медицинских наук Союза ССР), было тем не менее абсолютно идеологизированным. Следует, однако, заметить, что идеологизация «Книги» касается не содержания приведенных в ней рецептов, а ее предтекста (предисловия), некоторых статей, корпуса продуктов питания и корпуса рецептов, а также визуального ряда, отражающего предпочтения сталинской эпохи и тогдашние установки СМИ. Во-первых, идеологизация была осуществлена посредством центральных оппозиций текста: в СССР – и за границей (вариант: советское и зарубежное); в СССР (социалистическая страна) – и в капиталистических странах; в СССР – и в старой России; буржуазия и народ, например:

В старой России буржуа и дворяне воспитывали у народа вкус к сивухе из «монопольки», что соответствовало отсталой экономике той эпохи и было выгодно правящим буржуазно-помещичьим классам. Для себя же русская буржуазия и помещики ввозили вина из-за границы, щеголяя утонченными и изысканными вкусами и приверженностью к французским виноградным винам и шампанскому, к зарубежным коллекционным старым коньякам. Мы же хотим теперь воспитать у всего народа вкус к отличным отечественным виноградным винам, к прекрасному советскому шампанскому, к превосходным советским коньякам.

Во-вторых, основным концептом «Книги» является концепт «Изобилие», восходящий к известному высказыванию Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

В-третьих, идеологизация «Книги» достигнута большим количеством идеологем, то есть «языковых единиц, семантика ко-

торых покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183]. К идеологемам первого типа относятся прецедентные имена и названия: *В.И. Ленин, И. В. Сталин, А. Микоян, Коммунистическая партия, Советское правительство, Центральный Комитет нашей партии, сессия Верховного Совета Союза ССР, пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, а также лексемы «социализм», «коммунизм» и «капитализм».*

К идеологемам второго типа можно отнести идеологизированные советские газетизмы, во множестве использованные в тексте «Книги»: *исторический съезд, исторические решения советского правительства, годы советской власти, материальное благосостояние всех советских людей, улучшение материально-бытовых условий жизни населения, рост благосостояния трудящихся, крутой и всесторонний подъем благосостояния нашего народа, непрерывно растущее экономическое могущество нашей Родины, интересы народа, экономические законы капитализма и социализма, освобождение женщины от тяжелой работы в домашнем хозяйстве, советские женщины, женщины работницы и труженицы наших социалистических полей, тяжелая и неблагодарная работа на кухне, укрепление здоровья советского человека, революционная ломка отсталых привычек и навыков, волчьи законы капитализма, освобождение от оков и гнета капитализма, ставить на службу народу, неисчерпаемые природные богатства нашей Родины, осуществление очень больших и ответственных задач, ср. фрагмент, полностью состоящий из газетизмов: *с каждым днем богаче и краше становится наша цветущая Родина, идущая в авангарде борьбы передового человечества за мир и безопасность всех народов.**

В-четвертых, идеологизация «Книги» осуществлена через актуализацию фрейма «производство», и прежде всего – «промышленное производство»: *социалистическое производство, передовая, мощная, технически совершенная тяжелая индустрия, курс на индустриализацию страны, промышленная продукция, социалистическое сельское хозяйство, годы пятилеток, предвоенные пятилетки, послевоенные пятилетки, производи-*

тельность труда, выполнение качественных и количественных заданий пятилетнего плана, дальнейший рост и подъем всего народного хозяйства и т.д. Как следствие – кодовые «конвенции», связанные с промышленным производством и знакомые подавляющему большинству советских людей, переносятся в тексте книги и на потребительскую сферу. Информация о продуктах питания подается не только в ключе их потребления, но прежде всего в ключе их производства. Коллективный автор «Книги» подходит к репрезентации кулинарных процессов через процессы производственные, опираясь на устоявшиеся в годы пятилеток пресуппозиции адресата: *производство предметов народного потребления, объем производства предметов потребления, промышленность продовольственных товаров, фабрики и заводы, производящие продовольственные товары, пищевые предприятия, на предприятиях внедряются непрерывные процессы производства при полной механизации труда и автоматизации управления и контроля, дальнейшее техническое перевооружение и совершенствование пищевых фабрик и заводов, сеть предприятий общественного питания, форсированное производство предметов народного потребления, сырьевые ресурсы действующих и вновь создаваемых производственных предприятий*, ср., например, высказывания без купюр:

**Наша советская фабрика пищевых продуктов – индустриальное предприятие, оснащенное передовой, самой совершенной техникой и размещенное в просторных корпусах.*

**Перестройка (мелкого домашнего хозяйства. – Н.Р.) началась у нас в предвоенные пятилетки и успешно продолжается в настоящее время.*

В-пятых, идеологический компонент «Книги» актуализируется посредством широкого использования фигуры умолчания – на фоне борьбы с космополитизмом в «Книге», по сути, нет упоминаний о зарубежной кухне, о зарубежных продуктах, винах, пряностях и т.д. – представлено лишь то, что готовится, добывается, производится, произрастает в республиках СССР. Так, в разделе «Пиво» нет даже упоминания о знаменитом чешском пиве – читатель «Книги» получает информацию лишь о российском ассортименте: *заводы Главного управления пивоваренной промышленности (Главпиво) вырабатывают пиво в разнооб-*

разном ассортименте светлых («Жигулевское», «Рижское», «Московское», «Ленинградское») и темных сортов («Украинское», «Портер», «Карамельное», «Бархатное», «Мартовское»).

В-шестых, идеологизация текста «Книги» достигается посредством организации ее речевой ткани, где преобладают категорические, догматические инструктивные высказывания (коллективный автор книги полностью доминирует, общее для автора и адресата текстовое пространство не создается, отсутствуют апеллятивы и иные средства диалогизации монолога и установления контакта с читателем и др.), ср., категорично-догматичные формы высказываний в разделе «Выбор блюд для обеда и ужина»: *надо / нужно (учитывать, отводить), следует/не следует (питаться, принимать пищу, заменить что? на что?), должен быть (сытным, легким и др.), целесообразно, обязательно, рекомендуется, а также инфинитивные высказывания, усиливающие категоричность требования, например: «Меню обязательно разнообразить». Самой мягкой формой инструкции является выражение «можно рекомендовать (на обед, ужин и др.)».*

Наконец, в-седьмых, вклад в идеологизацию «Книги» внес и визуальный ряд. В ней размещены не только фотографии продуктов и приготовленных из них блюд, но и процессы – изображения социалистических тружеников пищевой индустрии и условий их труда. Приведем некоторые подписи к фотографиям: *«На консервном заводе. Линия зеленого горошка»; «На мясокомбинате», «На Угличском сыродельном заводе. Наполнение молоком сырной ванны», «На маргариновом заводе», «На хлебозаводе», «На чайной плантации», «На сахарно-рафинадном заводе», «Сбор чая», «Электродойка», «В заводской лаборатории», «Укупорка (закатка) банок», «В жестянобаночном цехе консервного завода», «Подвесная дорога на добыче соли», «Элеватор», «Икорный цех Банковского рыбокомбината им. С.М. Кирова (Азербайджанская ССР)», «На рыбном промысле», «На морском рыболовном судне «Вяление рыбы», «На конвейере – концентрат «Перловая каша», «Закрытый конвейер хлебозавода», «Бисквитная печь кондитерской фабрики» и др.*

В целом в тексте «Книги» было сделано все, чтобы кулинарные сведения сопровождалась идеологической информацией: *под руководством нашей славной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и Советского правительства народы нашей необъятной и могучей социалистической Родины в радостном, героическом и творческом труде воздвигают величественное здание коммунизма, претворяя в жизнь многовековую мечту человечества о построении коммунистического общества, об изобильной, счастливой и радостной жизни.*

Именно этот идеологизированный компонент российской кулинарии до сих пор пытаются деидеологизировать (модифицировать) авторы, выросшие в России и живущие сейчас в США. Нами выявлены несколько способов модификации, направленной на «снятие» с кулинарных пресуппозиций сегодняшних россиян идеологического компонента. Это: РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ, СОЗДАНИЕ НОВЫХ МИФОВ, ПРЯМЫЕ ИЛИ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ НА СОВЕТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ, ИРОНИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫХ РАМОК И, НАКОНЕЦ, ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ, ОГРУБЛЕНИЕ.

1. **«Развенчание мифа»**, то есть «приписанного знаку смысла, несущего в себе идеологию социальных отношений» [Калинина 2004: 92]. Так, Анна Бремзен, бывшая москвичка, живущая сейчас в США, кулинарный авторитет Америки, автор пяти поваренных книг, закончившая к настоящему времени книгу по советской кулинарной истории, в беседе с А. Генисом на радиостанции «Радио Свобода» и в других СМИ развенчивает мифы о «лучшем в мире русском мороженом» и «микояновской котлете»: **На самом деле мороженое привез из Америки Микоян. Не мороженое, а технологию массовую. То есть вся эта массовая продукция советская, это все было привезено Микояном в 1938 году.*

**Пожалуй, самое удивительное для меня было, что все наши ностальгические, вспоминая Пруста, «Мадленки» советские, все это было привезено Микояном из Америки. Даже наша советская любимая микояновская котлета за 6 копеек. Микоян поехал в Америку, увидел гамбургер, это его совершенно поразило. И он решил, что такое можно запустить в России. Они даже грили привезли для гамбургеров, и булочки собирались де-*

лать. Но помешала война. Поэтому осталась такая масс-индустриализованная котлета, которая по пути в СССР утратила булочку. Я позвонила маме и говорю: «Мама, оказывается, наша микояновская котлета это, на самом деле, гамбургер, который потерял булку» <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24761921.html>)

**Важно, что все продукты, которые мы хорошо знаем – всякие мороженые пельмени, знаменитое советское мороженое, которым мы так гордились, все это Микоян тоже привез из Америки (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24761897.html>)*

2. Создание новых мифов: «Русская история – она история, а советская – это о том, как идеология, политика, страдания человека, голод, война, аресты, как все это связано с тем, как люди ели, как они жили. Это о быте» (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24761921.html>)

3. Прямая или метафорическая деидеологизация, то есть указания на идеологизированный характер советской кулинарии, ср. высказывания Анны Бремзен в беседе с А. Генисом: **Для меня еда, скорее, это метафора того, как мы глотали идеологию.*

**Конечно, все эти микояновские котлеты, все эти рецепты из «Книги о вкусной и здоровой пище». Можно ли представить себе более идеологизированную поваренную книгу? Так что все, что ели, это либо метафорически, либо буквально было поглощение какой-то идеологии и политики. Не было неполитизированной еды (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24761921.html>)*

4. Ирония, репрезентируемая через подробности быта, детали, иронический комментарий. Так, П. Вайль, известный эссеист, соавтор «Русской кухни в изгнании», в эссе о русской поэзии XX века включает деталь (кофемолку) в дискредитирующий контекст, актуализирующий иронические коннотации, связанные с советским бытом: **Подношение подарков продолжалось. Вазы чешского хрусталя, стриженные ковры, кастрюли. Моряк, выждав паузу, вынул из-под стола красную кофемолку. Все бросились смотреть, из кучи-малы слышались сдавленные крики: «Умеют же, как умеют», «Вот одну на кухне поставить*

– и ничего не надо!», «Постой, она ж не на двести двадцать!», «А трансформатор, а трансформатор, у меня дома есть, сейчас принесу!» («Пожарная тревога»).

Другой пример – ирония, репрезентируемая деталями и окказиональной формой множественного числа: *на столах обильно разложились изделия сельской кулинарии – пироги, кулебяки, ЖИРНЫЕ МЯСА, горы цыплят. С огородов Зайчика – картошка, помидоры, капуста, пучки сельдерея. В графинах – закрашенная черным бальзамом водка* [Там же].

Еще один пример – иронический комментарий недостатка продуктов в советское время: ... *Володька Силин из заготовительного цеха пришел в нашу бытовку грузчиков и отвел меня в сторону: «Банкет у меня сегодня, двадцать пять лет. Всех не зову, сам понимаешь. Держи адрес. В семь часов, а я побегал, мне на Матвеевском сардельки отложили». На столе были не только сардельки, но даже сардины* («Бездомность»).

Несмотря на ностальгическую тональность фрагмента (далее идет описание комнаты Володьки Силина), общая интонация эссе «Бездомность» – даже не ироническая, а саркастическая. Бытовые подробности, и тем более авторский комментарий, ориентированы на модификацию в сознании читателей идеологизированных представлений обо всех сторонах советской действительности, например: *Позитивистское мышление требовало «научного» обоснования и гигиены, и эстетики. Кавычки, в которые заключено слово «научные», придают высказыванию П. Вайля противоположный смысл («псевдонаучное обоснование»), поддерживаемый последующей фразой: Инструктивные книги обосновывали то, что было, кажется, и так ясно* [Там же].

Возможны также попытки деидеологизировать пресуппозиции адресата ироническими аллюзиями. Так, в «Книге о вкусной и здоровой пище» приготовление пищи представлено как «тяжелая и неблагоприятная работа на кухне», от которой женщины хотят освободиться, не желая тратить свое время «на многочасовое пребывание у кухонной плиты или печки». В свою очередь, известный эссеист и писатель А. Генис доводит это и подобные высказывания до абсурда путем иронического комментария и отсылки к тексту брошюры революционных лет: *чтобы обезопасить кухню, нужно сделать ее фабрикой, превратить в*

цах, попутно приняв освобожденную женщину в братство товарищей, ибо, как я вычитал в брошюре того революционного времени, «кухня уродует тело и душу женщины – ржавеет она на кухне и только» (<http://www.snob.ru/selected/entry/14488>).

Деидеологизирующую функцию выполняет и ироническая интерпретация прецедентных имен и прецедентных текстов, известных не одному поколению россиян: **В Москве на Никольской в ресторане «Дрова» из громкоговорителя левитановский тембр: «Все сокровища мировой кулинарии»* (П. Вайль «На самом деле»). Это ироническая отсылка к знаменитому диктору Левитану, читавшему сводки военного времени, которые люди, затаив дыхание, слушали у громкоговорителей: «Говорит Москва! От советского Информбюро...».

**Кухня считалась очагом «мелкобуржуазной» опасности, религии и суеверий. Поэтому герой романа «Как закалялась сталь» Павка Корчагин произносит свои знаменитые, заучиваемые поколениями школьников слова «Жизнь дается человеку один раз» сразу после того, как он отказался есть вареники в доме своего брата, погрязшего в быте, «как жук в навозе»* (А. Генис. <http://www.snob.ru/selected/entry/14488>). Это, в свою очередь, аппликация известнейшего высказывания из книги Н. Островского в сниженный иронический контекст.

5. Трансформация жанрово-стилистических рамок кулинарного рецепта.

Приведем в качестве иллюстрации рецепт фаршированной рыбы из «Книги о вкусной и здоровой пище», который почти полностью идентичен рецепту А. Гениса, выдаваемому за огромную редкость: *«Настоящую фаршированную рыбу пора заносить в кулинарную «Красную книгу» и беречь, как уссурийского тигра, ибо о ней уже почти ничего не известно. Остались только смутные слухи: где-то на дальнем востоке Нью-Йорка, между Атлантическим океаном и бруклинским сабвэем, еще живут люди, которые помнят аутентичную – восточноевропейскую рыбу, начиненную самой собой»* (<http://www.snob.ru/selected/entry/9734>). Приведенные ниже тексты позволяют проследить смену жанровой формы и стиля текста (от рецепта-инструкции в «Книге о вкусной и здоровой пище» до рецеп-

та-истории, рецепта-байки, предложенного А. Генисом), при почти полном сохранении содержания.

РЫБА ФАРШИРОВАННАЯ

Рыбу очистить от чешуи, отрезать голову и, не разрезая брюшка, вынуть внутренности; удалить из головы жабры, промыть холодной водой и нарезать рыбу поперечными кусками.

Из каждого кусочка рыбы вырезать мякоть, не повредив кожи. Для приготовления фарша вырезанную мякоть вместе с луком и хлебом, замоченным в воде и отжатым, пропустить через мясорубку. В фарш прибавить сырое яйцо, сахар, растительное масло, перец, соль и все тщательно перемешать.

Приготовленным фаршем заполнить куски рыбы в тех местах, где была вырезана мякоть, и сравнять ножом, смоченным в воде.

На дно кастрюли положить нарезанные кружочками свеклу и морковь, а также тщательно промытую луковую шелуху.

Поверх овощей поместить фаршированные куски рыбы, на которые положить еще слой овощей, потом опять рыбу и снова слой овощей. Рыбу с овощами залить холодной водой так, чтобы вода только покрыла их, и, закрыв кастрюлю, поставить варить на слабый огонь на 1½ – 2 часа, считая с момента закипания воды. И т.д. («Книга о вкусной и здоровой пище»).

СУДЬБА ФАРШИРОВАННОЙ РЫБЫ В АМЕРИКЕ

Сперва мы выпотрошили, не разрезая живота, могучие туши. Потом установили телефонную связь с Ближним Востоком и, как сионские мудрецы, принялись за дело, послушно выполняя указания из Тель-Авива. Труднее всего было вырезать из каждого кусочка мякоть, не повредив кожи. На этом обычно кончается терпение, но мы упрямо наскребли полведра жемчужного мяса без костей. (Собственно, из-за них фаршированная рыба вошла в иудейское меню: раввины разрешали есть ее по субботам, когда нельзя вынимать кости изо рта). Дальше в ход пошла мясорубка, конечно же, ручная, в которой мы прокрутили рыбу с луком и булкой. Добавив сырые яйца, соль, перец, но не сахар, как это иногда и зря делают, мы стали заправлять фарш обратно в кожаные кармашки. С тщанием скульптора мы любовно вылепили каждый кусок, не исключая головы. Оглядев за-

валенную полуфабрикатом кухню, мы сообразили, что наделали лишнего, и поехали в магазин за новой кастрюлей армейского размера. Только в нее нам удалось уложить рыбу вместе со свеклой и морковкой и залить ее бульоном, подсунув марлевый мешочек с чешуей. И т.д. (<http://www.snob.ru/selected/entry/9734>)

«Судьба фаршированной рыбы в Америке» очень мало отличается от судьбы фаршированной рыбы в сталинском СССР. Отличается рыба – в Советском Союзе это были всем знакомые сом, щука, лещ и карп, а в Америке – неизвестные в России «полосатые басы». Отличие есть и в некоторых деталях ее приготовления – в СССР рыбу заливали холодной водой, а в Америке – бульоном, в СССР в фарш рекомендовалось добавлять растительное масло, а на дно класть луковую шелуху; в Америке же растительного масла в фарш не кладут, а на дно кладут марлевый мешочек с чешуей.

Основные же текстовые отличия состоят, во-первых, в источниках информации. В СССР – это профессора Института питания Академии медицинских наук Союза СССР, некоторые из них являлись лауреатами Сталинской премии. В Америке же – это частный консультант, скорее всего, мама школьного приятеля, о чем говорится до рецепта-истории. Во-вторых, отличие состоит в жанрово-стилевом оформлении текста. Рецепт из «Книги» написан в рамках делового стиля и приближен к жанру инструкции. Он подробен, детализирован, однако не содержит побочных ассоциативных связей, авторского комментария, отступлений – иными словами, это типичный непрерывно-фабульный текст, не допускающий отклонения от темы речи. В свою очередь, текст А. Гениса – типичный прерывно-фабульный текст (отступления от темы, личные мнения, комментарии), приближенный по форме к разговорной речи. Это синкретичный жанр, повествующий о том, как А. Генис со школьным другом готовили фаршированную рыбу (приведенный фрагмент – лишь часть достаточно развернутой истории). В-третьих, отличия состоят в прагматической рамке текста. В «Книге» это коллективный автор (личностное начало в тексте неощутимо) и адресат – советский человек начала 50-х годов. В тексте же А. Гениса автор персонифицирован, а вот адресатом в условиях Интернет-общения может стать любой русскоязычный читатель. Наконец,

это отличия в форме реализации интенции. Основная интенция рецепта – инструктирование. Однако в советской «Книге» инструктаж дан в полном соответствии с постулатами количества, качества, релевантности и способа, предложенными американским философом Полом Грайсом, а в тексте А. Гениса наблюдаются отступления от этих постулатов.

Сказанное нужно А. Генису в том числе и для того, чтобы модифицировать пресуппозиции русскоязычного адресата: потенциальный читатель не должен привязывать информацию к чему-то хорошо известному (в данном случае – к знаменитой «Книге»). Он должен воспринимать сообщение как нечто новое или хорошо забытое старое, не имеющее отношения к идеологии советской эпохи.

6. Вульгаризация кулинарного рецепта.

Примером может служить публикация Анны Бремзен «Гефилте фиш» (<http://booknik.ru/colonnade/kulinar/gefilte-fish/>). Эта публикация близка к очерковой форме, в которой, кроме оригинального рецепта фаршированной рыбы, есть достаточно развернутый историко-культурный комментарий (происхождение блюда), автобиографический блок, а также блок идеологический. В свою очередь, деологизирующая интенция автора реализуется посредством размещения оригинального авторского рецепта фаршированной рыбы на фоне вульгаризованного, крайне огрубленного рецепта все из той же «Книги о вкусной и здоровой пище». В данном случае автор не просто деидеологизирует пресуппозиции адресата – он их дискредитирует:

Теперь я знала, что в русской гефилте фиш присутствуют кожа и кости, свекла, а также всякий МУСОР... Обычный русский и украинский способ – нарезать рыбу толстыми ломтями, отделить кости, мясо перемолоть с луком и морковью, затем заправить эту начинку обратно в кожу вокруг хребта. Фаршированные ломти кладутся в большую кастрюлю с рыбьими головами и остовами, добавляются морковь, свекла и лук, ЧАСТО НЕЧИЩЕННЫЕ. Все варится, пока не развариваются кости. ТАК ГОТОВЯТ СТАРУХИ, НО ЛИЧНО МЕНЯ ЭТОТ РЕЦЕПТ ПУГАЕТ (<http://booknik.ru/colonnade/kulinar/gefilte-fish/>).

В советской «Книге о вкусной и здоровой пище» очень силен идеологический компонент, но, несмотря на это, информацион-

но-прагматический компонент (технология приготовления вкусной и здоровой пищи) прописан очень точно и научно обоснованно. Однако о прагматическом компоненте «Книги» авторы, сменившие страну проживания, просто не упоминают (тактика умолчания), идеология же в их представлении должна быть иной. Отсюда проистекает стремление к модификации пресуппозиций адресата, детерминированное в ряде межнациональных дискурсов (политическом, культурном, образовательном и др.) важнейшей деидеологизирующей интенцией, определяющей и содержание, и форму, и дискурсивно-прагматическую рамку текстов. Сказанное можно отнести и к литературно-критическому дискурсу (замена традиционных советских интерпретаций классических текстов на прямо противоположные), и к научному дискурсу (прием ломки устоявшихся стереотипов), и к иным межнациональным дискурсивным разновидностям.

В заключение хотелось бы заметить следующее. В научных исследованиях акцент делается, как правило, на репрезентации идеологического компонента в речи и тексте, однако изучение форм «снятия» идеологического компонента в сознании реципиента является не менее важной задачей, решение которой лежит на пересечении лингвопрагматики, дискурсивных исследований, психолингвистики, психологии восприятия и иных современных отраслей научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайль П.* Стихи про меня. – М., 2007.
- Виноградов С.И.* Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
- Калинина Е.Ю.* О семиотике средств массовой коммуникации (на основе концепции У. Эко) // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч.2. – М., 2004.
- Купина Н.А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1.
- Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. – М., 2007.